

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Этюды по всеобщей исторіи права.

Проф. А. Н. Стоянова.

(Изъ лекцій, читанныхъ въ 1884 году).

I. Общія понятія объ исторіи права, какъ наукѣ. Всеобщая исторія права, ея содержаніе, задача, цѣль, методъ, законы.

Исторія права есть частное или видовое понятіе исторіи, какъ науки въ обширномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ научные признаки или свойства исторіи вообще могутъ быть приложимы и къ понятію исторіи права въ частности. Подобная же солидарность или общность замѣчается въ самыхъ судьбахъ обоихъ названныхъ нами отдѣловъ исторической науки. Лишь только новое время создало науку исторіи вообще, и только новѣйшему времени принадлежитъ починъ въ научномъ построеніи понятія и метода исторіи права. Вѣрно ли это? Повидимому, противъ насъ говоритъ тотъ фактъ, что всѣ науки имѣютъ болѣе или менѣе долговременную исторію. Даже зачатки современной геологіи могутъ быть возведены къ тѣмъ первичнымъ мечтаніямъ и фантастическимъ умозрѣніямъ, которыя въ древности влеклись въ поэтическія сказанія и въ міеологію. Историки философскихъ и научныхъ идей не разъ указывали на то, что атомистическая теорія Дальтона представляетъ собой болѣе развитую форму однородной гипотезы не только греческихъ мудрецовъ (Демокритъ), но даже индійскихъ мыслителей съ именами, извѣстными лишь немногимъ санскритологамъ настоящаго времени. Наконецъ самая теорія Дарвина соприкасается чрезъ Малье (Maillet) и Ламарка съ ученіями Анаксимандра и Эмпедокла. Нельзя ли сказать того же самаго и объ исторіи, которая имѣетъ своей первичной формой лѣтописи и сказанія Египта, Ассиріи и Китая? Далѣе, всѣмъ извѣстны имена греческихъ и римскихъ

историковъ. Не безъ основанія предполагають, что Аристотель былъ близокъ къ заложению основъ самой философіи исторіи. У римлянъ, подъ вліяніемъ мірового значенія этого народа, исторія по необходимости и впервые сдѣлалась всеобщей или универсальной. Поэтому кто говорилъ и писалъ о Римѣ, тотъ не могъ молчать объ Аѳинахъ и германцахъ, объ Карфагенѣ, о парфіянахъ, о кельтахъ. Наконецъ въ средніе вѣка, когда христіанство внесло въ европейскую культуру идею духовнаго единства людей, тогда появилась извѣстная историко-философская доктрина Августина. Но тѣмъ не менѣе, ни лѣтописи востока, ни блестящія историческія повѣствованія Греціи и Рима, ни зачатки философіи исторіи и сравнительнаго метода изслѣдованія у Аристотеля, ни книга Августина, ни талантливыя сочиненія Макіавели не создали того, что можно было бы назвать наукой исторіи. Для возникновенія и развитія послѣдней нужны были въ качествѣ существенныхъ условій такія идеи, которыя представляли бы собой общую формулу для объясненія причинной связи и внутренняго смысла событій; также нуженъ былъ правильный способъ изслѣдованія совершившихся событій. Между тѣмъ подобныя идеи и такой методъ (какъ будетъ это подробнѣе указано впереди) появились и получили приложеніе не раньше XVII и XVIII вв. Здѣсь подразумѣваются идеи такъ называемой *закономѣрности* и *прогрессивности* и затѣмъ *методъ* (способъ) *какъ индуктивнаго, такъ и дедуктивнаго изслѣдованія фактовъ или явленій*.

Съ этого только момента начался правильный научный ростъ для исторіи вообще и подготовлялась удобная и твердая почва для исторіи права въ частности.

Вотъ почему въ наше время немислимо понятіе объ исторіи въ смыслѣ и духѣ классической древности, когда исторія была только разсказомъ, правда высоко-художественнымъ, о совершившихся событіяхъ.

Талантливое воспроизведеніе историческихъ лѣтописей, дидактическія цѣли (поученіе примѣрами изъ исторіи) получили теперь иное значеніе и мѣсто, чѣмъ прежде. Стоитъ только заглянуть въ любое современное сочиненіе въ Россіи и на западѣ Европы по вопросу о методическихъ приѣмахъ при изученіи и разработкѣ исторіи, чтобы услышать такія мнѣнія: „отъ исторіи требуютъ въ наше время раскрытія законовъ человѣческихъ обществъ“ (Сергѣевичъ. Сборникъ государств. знаній т. VII). „Исторія представляетъ собой изслѣдованіе тѣхъ условій, при которыхъ замѣняются одни другими, въ извѣстномъ порядкѣ, общественныя состоянія людей“ (Littré, la science au point de vue philosophique), другими словами, здѣсь выражена таже самая мысль,

что и выше, т. е. выдержанъ взглядъ на исторію, какъ на такую отрасль человѣческаго знанія, которая изслѣдуетъ законы, причины и условія для внутренняго, постепеннаго развитія человѣческихъ обществъ. Изъ сказаннаго также ясно, что теперь не будетъ преувеличеніемъ признаніе принципиальнаго единства основъ, цѣлей или задачъ и методологическихъ приѣмовъ между исторіей и науками, которыя изучаютъ высшія причины (законы) и условія жизни человѣка и всей природы ¹⁾.

При такомъ положеніи дѣла исторія стала своего рода біологіей человѣческихъ племенъ и народовъ.

Выше мы сдѣлали замѣчаніе, что исторія права есть видовое или частное измѣненіе понятія исторіи вообще, какъ науки, какъ понятія родового. Изъ этого слѣдуетъ такое опредѣленіе, что исторія права есть наука, которая изслѣдуетъ высшіе законы развитія положительнаго права, какъ извѣстной органической части или составнаго элемента въ цѣлой совокупности различныхъ интегральныхъ частей человѣческаго общества. Такимъ образомъ мы видимъ, что объектомъ исторіи права служить то, что выражается технически словами: „положительное право“. Слѣдовательно здѣсь нужно дать въ общихъ чертахъ и прежде всего точное понятіе о томъ, что такое положительное право.

Такъ называется извѣстная совокупность юридическихъ или правовыхъ нормъ въ формѣ законовъ и обычаевъ; эти нормы управляютъ общественными отношеніями. Такая совокупность или система нормъ можетъ опредѣлять какъ отношенія отдѣльныхъ лицъ къ цѣлому союзу, такъ и отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою. Отсюда право положительное распадается на двѣ части; на право публичное, имѣющее своимъ предметомъ отношенія подданныхъ къ государству, и право частное, имѣющее своимъ предметомъ отношенія частныхъ лицъ между собою. Но право положительное, рассматриваемое въ вышеуказанномъ смыслѣ, не существуетъ какъ нѣчто безусловное и отрѣшенное отъ жизни; напротивъ оно есть явленіе относительное, конкретное, которое не можетъ быть цѣлью для самого себя. Въ немъ, какъ въ совокупности правовыхъ нормъ, управляющихъ людьми, можно и должно усматривать не болѣе какъ одно изъ условій или средствъ, которыя служатъ для цѣлей общежитія. Право положительное (какъ и разнообразныя

¹⁾ Весьма любопытно въ данномъ случаѣ слѣдующее мнѣніе Литрэ: „L'histoire est une science au même titre que l'astronomie, la physique ou la chimie. On est là-dessus d'accord. En fait, les sciences n'ont qu'une méthode—c'est la méthode expérimentale: on constate les faits par l'observation et par expérimentation, et de ces faits particuliers on induit les faits généraux ou lois“. (См. Littré, La science au point de vue philosophique, p. 418).

общественные союзы: семья, родъ, племя, государство) служить для удовлетворенія коренныхъ потребностей человѣческой природы. Задача положительнаго права, какъ и задача государства, состоитъ въ томъ, чтобы примирить существованіе отдѣльной, правильно развитой, личности человѣка съ общественнымъ благомъ, или что то же: достигнуть согласованія разумной свободы съ законнымъ порядкомъ. Если же исторія вообще, какъ наука, изслѣдуетъ и представляетъ высшія причины (законы) и условія развитія человѣческаго; если, съ другой стороны, положительное право составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій для развитія человѣческаго: то отсюда ясно, какое значеніе имѣетъ исторія права. Лишь опираясь на исторію права, можетъ исторія въ обширномъ смыслѣ этого слова осуществить ту цѣль и разрѣшить ту задачу, которая ставится исторической наукой, подъ вліяніемъ идей о законномъ и послѣдовательномъ развитіи фактовъ или явленій въ мірѣ человѣческомъ. Но пойдемъ далѣе въ разсмотрѣніи понятія объ исторіи права, которая получаетъ нѣсколько особенный характеръ отъ различныхъ свойствъ, даже отъ самаго объема своего матеріала. Такъ исторія права можетъ разсматривать, съ помощію извѣстныхъ приѣмовъ, или положительное право одного народа, или же положительное право нѣсколькихъ народовъ. Въ первомъ случаѣ у насъ получается исторія права частная, національная; во второмъ случаѣ у насъ будетъ исторія права, которая своимъ объектомъ имѣетъ судьбы положительнаго права у многихъ или даже у всѣхъ народовъ. Но если такимъ образомъ, на основаніи количественнаго различія, мы установили два вида: національную и всеобщую исторію права, то спрашивается, въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу эти два вида исторіи? Существуетъ ли между исторіей права національной и между исторіей права всеобщей коренное различіе или же полное тождество? Вотъ вопросы съ нѣсколько формальнымъ оттѣнкомъ, но касающіеся сущности дѣла. Мы думаемъ, что не можетъ существовать абсолютнаго, кореннаго различія, по цѣлямъ и методу или способу изслѣдованія, между исторіей права всеобщей и между исторіей права частной или національной. Исторія права національная (напр. русская, германская), какъ и исторія права всеобщая, одинаково стремятся къ отысканію и къ опредѣленію общихъ причинъ, а также къ указанію фазисовъ, чрезъ которые проходитъ положительное право въ своемъ возникновеніи и развитіи. Но зато относительное, условное различіе здѣсь есть, хотя оно прежде всего только количественное, такъ какъ одна исторія права суживаетъ, а другая расширяетъ фактическую область, однороднаго по своему методу, изслѣдованія. Затѣмъ кромѣ этого различія существуетъ еще и другое. Исторія

права національная преслѣдуетъ нерѣдко цѣли практическія, въ томъ смыслѣ, что служить подспорьемъ для судебныхъ функцій, въ видѣ комментарія на законодательство, дѣйствующее у даннаго народа. Что касается всеобщей исторіи права, то она не можетъ служить ни для какихъ практическихъ цѣлей (толкованія въ законодательномъ или судебномъ порядкѣ) уже по той причинѣ, что не было и нѣтъ никакой возможности выработать общій кодексъ для всѣхъ народовъ, о чемъ много разъ и бесполезно мечтали философы и юристы утопическаго на-
правления. Цѣли и задачи всеобщей исторіи права остаются исключительно научными. Она желаетъ рѣшать или подготавливать къ рѣшенію одни общіе теоретическіе вопросы исторической юриспруденціи. Для нея право есть всемірное явленіе, которое она изслѣдуетъ для разъясненія основныхъ вопросовъ одной науки. Конечно и въ національной исторіи права можно дѣйствовать такимъ же методомъ, который употребляется во всеобщей исторіи законодательствъ (превосходный примѣръ представляетъ изслѣдованіе Россбаха объ римскомъ бракѣ); но все-таки приходится сознаться, что національная или частная исторія права отдѣльнаго народа менѣе удобна для приложенія сравнительнаго метода,—что исторія такая менѣе доступна для обобщеній, труднѣе для провѣрки индукціи дедукціею и наоборотъ. Такъ напр. славянофилы, которые вообще много способствовали у насъ разъясненію вопроса объ общинномъ землевладѣніи, думали, что оно есть историческое достояніе только одного славянскаго племени въ цѣломъ мірѣ; другіе же народы, по ихъ мнѣнію, знали только одно право частной собственности. Но когда въ послѣднее время полнѣе и разностороннѣе ознакомились съ судьбою землевладѣнія, въ различныя историческія эпохи, у многихъ племенъ и народовъ, въ различныхъ частяхъ свѣта, то стало ясно, что въ извѣстную пору культурнаго состоянія людей общинная форма землевладѣнія была, такъ сказать, общеисторическимъ закономъ. Спрашивается: чему мы обязаны теперь совершенно инымъ и широкимъ разрѣшеніемъ этого важнаго вопроса? Наука обязана здѣсь тому, что, не довольствуясь изученіемъ одного національнаго или даже племеннаго права, она брала громадный матеріалъ всемірно-историческаго содержанія, что она разработала этотъ матеріалъ по сравнительному методу, который единственно и могъ дать ей вѣрные общіе выводы. Послѣ всего сказаннаго можно сдѣлать болѣе точное опредѣленіе всеобщей исторіи права. Такая исторія разсматриваетъ положительное право различныхъ народовъ съ точки зрѣнія постояннаго, послѣдовательнаго или, какъ выражаются, прогрессивнаго развитія какъ формъ (источниковъ), такъ и содержанія (самыхъ источниковъ или учреждений) положительнаго права.

II. Методъ и литература всеобщей исторіи права.

Связь метода съ литературой какого-либо предмета есть общее и естественно необходимое явленіе. Методъ представляетъ собой совокупность правилъ и приѣмовъ для изученія и разслѣдованія научной истины. Литература обнимаетъ собой всѣ письменные результаты работы ума человѣческаго надъ даннымъ матеріаломъ знанія по извѣстному методу. Сдѣлаемъ же сначала нѣсколько общихъ замѣчаній о методѣ. По ученію извѣстнаго Бэкона, методъ есть помощникъ ума человѣческаго въ стремленіи его къ отысканію истины. Отсюда понятно заключеніе о научной важности метода, какъ логическаго орудія мысли, которымъ направляются, расширяются и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаются усилія достигнуть цѣлей знанія. („*Ut instrumenta manus motum regunt aut cident, ita et instrumenta mentis, methodus, intellectui aut suggerunt aut cavent*“, сказалъ Бэконъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи *Novum Organon*). Едва ли нужно распространяться и доказывать справедливость положенія, что одного обладанія методомъ изслѣдованія не достаточно для отысканія искомой истины. „Одно пониманіе метода, безъ внимательнаго труда и практическаго опыта въ примѣненіи, не создаетъ настоящаго ученаго и мыслителя, подобно тому, какъ обладаніе однимъ музыкальнымъ инструментомъ не сдѣлаетъ никогда и никого артистомъ“, сказалъ извѣстный англійскій писатель Корнваль Льюисъ. Но методъ въ соединеніи съ другими условіями для правильнаго научнаго труда сокращаетъ умственную работу и дѣлаетъ ее болѣе производительною, чѣмъ была бы равная доля той же работы при отсутствіи метода. Такимъ образомъ методъ до значительной степени восполняетъ неравенство природныхъ дарованій, наблюдательности, остроумія и др. личныхъ свойствъ и силъ у каждаго изслѣдователя. Съ подобною ролью метода въ научной работѣ соглашаются даже тѣ, кто видитъ преувеличеніе въ нѣкоторыхъ мысляхъ самого Бэкона объ этомъ предметѣ ¹⁾. (Мы разумѣемъ Бэконовское изреченіе: „*Nostra enim via inveniendi scientias exaequat fere ingenia et non multum excellentiae eorum relinquit cum omnia per certissimas regulas et demonstrationes transigit*“). — Переходя къ объективной сторонѣ вопроса, мы можемъ указать прежде всего на ту выгоду отъ вѣрно понятаго и правильно приложеннаго метода, что только съ его помощію можетъ быть опредѣлена степень точности знанія объ извѣстномъ предметѣ. Затѣмъ вѣрно понимаемый и правильно примѣняемый методъ предостерегаетъ отъ многихъ заблужденій, и между прочимъ отъ того, что „не зачѣмъ стремиться къ при-

¹⁾ Charles Comte, *Traité de législation* I. c. I.

близительному выраженію истины, коль скоро нѣтъ возможности вывести безусловно точную формулу для того, что считается истиной“. Это особенно важно для наукъ общественныхъ, гдѣ приходится большею частію довольствоваться приблизительно вѣрными величинами по своеобразнымъ свойствамъ изучаемаго въ этихъ наукахъ матеріала. Мы разумѣемъ здѣсь подъ своеобразными свойствами слѣдующее: 1) сложность и измѣнчивость фактовъ исторіи и всѣхъ отношеній общежитія, вслѣдствіе чего требуются постоянныя и новыя наблюденія; 2) силу и вліяніе личной воли историческихъ и государственныхъ дѣятелей въ областяхъ права, политики и всѣхъ другихъ сторонъ данной культуры или цивилизаціи; 3) большое вліяніе принципиальныхъ или теоретическихъ воззрѣній, руководящихъ людей (представителей интеллигенціи) на факты человеческого общежитія и на учрежденія, тѣсно связанныя съ многосложными интересами и т. д.

Трудности для изслѣдованія, присущія предмету наукъ общественныхъ со включеніемъ исторіи права, объясняютъ, но не оправдываютъ скептицизмъ тѣхъ ученыхъ и писателей, которые готовы отрицать самую возможность и раціональность въ стремленіи отыскать научные законы. Убѣжденія такого отрицательнаго свойства были бы вѣрны лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было признать, въ качествѣ безусловной и общей истины, случайность или безсвязность явленій и фактовъ, какъ объекта науки. Напротивъ, всякому легко понять, что если существуютъ факты въ исторіи и предметы въ мірѣ природы. если эти факты и предметы представляютъ собой рядъ безконечно измѣняющихся величинъ (т. е. образуютъ „явленія“), то человеческій умъ именно поэтому не можетъ отказаться отъ стремленія опредѣлить постоянство отношеній между явленіями. Необходимую формулою или общимъ выраженіемъ такого постоянства окажется тогда законъ въ научномъ, напр., въ историко-философскомъ смыслѣ. Наука перестала бы быть наукой, она оказалась бы безсильной удовлетворять стремленіямъ ума понять смыслъ вещей, если бы подчинилась идеѣ о произволѣ или фатализмѣ, какъ объ лучшихъ формулахъ для выраженія правильныхъ и постоянныхъ отношеній между явленіями. Вотъ почему при построеніи общаго понятія объ исторической наукѣ слѣдуетъ считать родовымъ ея признакомъ слѣдующую черту: измѣнчивость и разнообразіе въ положеніи или состояніи фактовъ и предметовъ составляетъ необходимое, такъ сказать, мировое свойство; идея же „явленія“, какъ такового, именно и исчерпывается тѣмъ, что происходитъ какое-либо измѣненіе въ положеніи или состояніи фактовъ и предметовъ. Слѣдовательно нужно или вовсе не изучать явленій или же изучать ихъ во всей ихъ измѣнчиво-

сти, но съ цѣлію отыскать ихъ причины, связь, постоянство взаимныхъ отношеній. Дѣло истинной науки заключается въ томъ, чтобы внести порядокъ въ разнообразный міръ явленій, сводя измѣняющіяся черты ихъ къ той неизмѣнной и постоянной причинѣ, которая называется „научнымъ закономъ“.

Какой же методъ можетъ быть признанъ а priori и безусловно соотвѣтственнымъ для всеобщей исторіи права? Какой методъ предпочитается теперь и практикуется при данномъ состояніи науки, различныхъ ея факторовъ и условий? Идеальное, теоретически полное представленіе о методѣ, какъ средствѣ отыскать научные законы исторіи права, приведетъ насъ уже къ не новому заключенію о правильномъ сочетаніи индукціи съ дедукціей. Есть дѣйствительно такіе вопросы, которые не могутъ быть поставлены въ нашей наукѣ иначе, какъ путемъ теоретическаго дедуктивнаго вывода, въ формѣ гипотезъ о существованіи того или другого факта, а еще болѣе въ видѣ заключеній о томъ, что между многими фактами существуетъ закономерное постоянство отношеній. (Примѣры такихъ заключеній и выводовъ будутъ указаны далѣе, при изученіи исторіи первобытной семьи, собственности и другихъ учреждений). Безъ подобныхъ заключеній, опирающихся на правдоподобныя и предварительныя обобщенія касательно возможныхъ соотношеній между фактами, не было бы во многихъ случаяхъ никакого движенія въ наукѣ. Явленія и факты должны были бы остаться разрозненными и случайными; стремленіе къ закономерности обратилось бы въ безсильную попытку, въ пустую фразу безъ содержанія. Знаменитыя историческія работы Нибура и Иеринга показали, что можно сдѣлать съ помощію дедукціи и аналогіи при изслѣдованіи и установленіи, такъ называемыхъ, скрытыхъ фактовъ. (*Скрытые факты* у новой школы историковъ суть такія явленія, которыя занимаютъ средину между вполне извѣстными и вовсе неопредѣленными фактами. Такъ напр. извѣстный фактъ или вовсе не засвидѣтельствованъ въ памятникахъ, или же обозначенъ не точно и не полно, а между тѣмъ есть нѣкоторые слѣды его полного существованія. См. далѣе примѣръ скрытаго факта коммунальнаго, кровосмѣсительнаго брака у полинезійцевъ и малайцевъ, какъ цѣльнаго института, на существованіе котораго во всей полнотѣ его указываетъ переживание, остатокъ въ видѣ соотвѣтственнаго коммунальному браку счета родства). Мало того: дедуктивный геній нѣкоторыхъ изслѣдователей угадываетъ иногда историческую истину при отсутствіи всякаго свидѣтельства объ извѣстныхъ фактахъ и о законѣ, управлявшемъ соотношеніями между этими фактами. Однимъ словомъ, дедукція можетъ вносить и вносила перѣдко свѣтъ въ самыя темныя области научнаго изслѣдованія. Но

свѣтъ отъ дедукціи тогда только освѣщалъ собою полную и достовѣрную истину, когда дедукція соединялась съ основательной индукціей частныхъ явленій. Но предположенія и выводы отъ дедукціи безъ индуктивной провѣрки ихъ фактами не могутъ перейти въ категорію не только обще-научныхъ, но даже эмпирическихъ законовъ. Такимъ образомъ, обращаясь къ исторіи развитія формъ семейнаго союза, одна дедукція самыхъ способныхъ и знающихъ изслѣдователей (каковы напр. Морганъ, Жирб-Телонъ и мн. др.) не въ силахъ убѣдить насъ теоретическимъ путемъ въ существованіи скрытыхъ фактовъ коммунальнаго брака, положимъ, у римлянъ или у семитовъ. Факты этого брака у однихъ народностей не могутъ быть связаны однимъ теоретическимъ мышленіемъ съ фактами брачнаго и семейнаго права у другихъ народностей, пока индуктивное изслѣдованіе не откроетъ недостающихъ звеньевъ въ рядахъ изслѣдуемыхъ явленій. Наука не имѣетъ права провозглашать объ открытіи ею универсальнаго, строго-научнаго закона, будто бы объясняющаго съ достаточною убѣдительною постоянствомъ однородныхъ отношеній между формами семьи и брака у всѣхъ безъ исключенія народовъ земнаго шара. Безъ фактовъ, безъ тщательнаго анализа ихъ въ отдѣльности, не можетъ быть сдѣлано здѣсь ни одного шага далѣе правдоподобной гипотезы, или, въ крайнемъ случаѣ, далѣе относительно вѣрнаго эмпирическаго закона. Даже такіе дедуктивные выводы, которые строились на основаніи извѣстныхъ свойствъ человѣческой природы оказывались невѣрными, если не подкрѣплялись никакими или только подкрѣплялись недостаточными фактическими данными. Одинъ новѣйшій примѣръ—блестящая, но шаткая теорія Фюстель-де-Куланжа въ сочиненіи „La cité antique“ (древнее государство) 1864 г., о томъ, что изъ одной только религіи возникли всѣ юридическія учрежденія всѣхъ древнихъ народовъ арійскаго племени. Другой еще болѣе рѣзкій примѣръ, это—теорія Бахофена „Das Mutterrecht“ 1864 г., гдѣ изъ легендъ объ амазонкахъ, изъ отрывочныхъ фактовъ счета родства по происхожденію отъ матерей строится заключеніе о существованіи такого періода въ исторіи человѣческой культуры, когда женщина безусловно господствовала надъ мужчиною въ семьѣ, въ обществѣ и въ государствѣ (такъ называемая *юноκρατία*). Теорія эта отвергается даже такими смѣлыми дедуктивистами, какъ Постъ и Жирб-Телонъ. Вотъ почему мы думаемъ, что, признавая вообще идеаломъ историческаго метода сочетаніе дедукціи съ индукціей, не слѣдуетъ возставать противъ теперешняго предпочтенія исторіи права, какъ развивающейся и постепенно усовершенствующейся науки, въ пользу *индуктивнаго* метода. Такое отношеніе къ индукціи совершенно объясняется исторіей знаній человѣческихъ и современнымъ

состояніемъ общественныхъ наукъ, далеко не собравшихъ и не обследовавшихъ всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ. Индукція должна занимать теперь первое мѣсто, хотя бы для того, чтобы проложить для дедукціи, съ ея анализомъ скрытыхъ фактовъ, болѣе торную дорогу къ исторической истинѣ. Безъ подготовительной и перѣдко черной работы, посредствомъ одной индукціи надъ большимъ и необъясненнымъ матеріаломъ, на долгое время останутся утопическими въ существѣ своемъ очень разумныя требованія и стремленія науки, а именно, чтобы исторія явилась непреложнымъ результатомъ свойствъ и силъ человѣческой природы, и чтобы правовѣдѣніе въ свою очередь изучало право какъ продуктъ дѣйствія историческихъ силъ и законовъ, управляющихъ всею общественной жизнью ¹⁾.

Остановимся теперь на характеристикѣ понятія индуктивнаго метода, который ведетъ свое названіе и свою исторію отъ Бэкона, доказавшаго превосходство его надъ господствовавшимъ дотолѣ силлогистическимъ приѣмомъ изученія и построенія науки. Еще Аристотель былъ близокъ къ идеѣ объ индукціи, такъ какъ онъ установилъ общее положеніе о томъ, что умъ человѣческій долженъ идти при изученіи предмета отъ частнаго къ общему. Узнать существующій міръ, по Аристотелю, можно только при внимательномъ анализѣ отдѣльныхъ предметовъ, его составляющихъ. Но вѣрное положеніе это осталось у Аристотеля не развитымъ до степени теории метода. Бэкону принадлежитъ та заслуга въ исторіи человѣческой культуры, что онъ создалъ теорію индукціи и утвердилъ обобщенные имъ приѣмы на психологическихъ законахъ человѣческаго мышленія. Имѣя въ виду главнымъ образомъ изученіе естествознанія, Бэконъ однакоже выставилъ такое положеніе (см. Афоризмы), что „новый методъ его можетъ быть приѣмлемъ къ наукамъ логическимъ и нравственно-политическимъ“. Сущность Бэконовскаго метода такова: нужно собирать факты, изучать ихъ съ помощію критическаго анализа, находить аналогію, дѣлать исключеніе случайныхъ признаковъ и доходить, чрезъ послѣдній приѣмъ исклю-

¹⁾ Stein. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staats-Wissenschaft, s. 100 „Es ist kein Zweifel: eine Rechtsgeschichte, welche bei dem Wechsel und Werden der geltenden Rechtsbegriffe stehen bleibt und nur ihre Entwicklung in Gewohnheit, Wissenschaft und Gesetz sucht, ist eben keine wahre Rechtsgeschichte; das Recht an sich hat gar keine Geschichte, sondern das, was wir die Geschichte desselben zu nennen pflegen, ist die Geschichte des Lebens in denjenigen Punkten, in welchen dasselbe zu Rechtsbegriffen wird,—und die heutige Rechtsgeschichte ist daher in Wahrheit nichts als die Sammlung des Materials für das, was die Zukunft als Wissenschaft... erkennen werdet“.

ченія случайнаго элемента изъ сферы наблюдаемаго явленія, до заключенія или наведенія (*inductio*) объ истинной сущности явленія или факта.

Особенно ясно указана важность индукціи, какъ *conditio sine qua non*, для самой дедукціи въ извѣстномъ сочиненіи *Джона Стюарта Милля*—*System of Logic etc.*

Напомнимъ важнѣйшія положенія этого авторитетнаго писателя по вопросу о научныхъ методахъ: Индукція есть главное основаніе нашихъ сужденій, силлогизмъ же имѣетъ второстепенное значеніе. Общія положенія, извлеченныя посредствомъ наблюденія и обслѣдованія фактовъ, составляютъ основу для научныхъ законовъ. Такъ напр. мы видимъ, что всѣ живыя существа умираютъ; изъ долгаго и неизмѣннаго наблюденія вытекаетъ обобщеніе (*general proposition*), что „всѣ живыя существа смертны“; изъ этого обобщенія мы приходимъ къ заключенію о законѣ природы, управляющемъ постоянствомъ и всеобщностью смертныхъ явленій. Отсюда дедукція или выводъ,—что всякое живое существо должно умереть.

Отсюда также ясно, въ чемъ состоитъ правильный ходъ для ума человѣческаго, когда онъ изучаетъ факты или явленія. Нормальность или правильность эта состоитъ въ послѣдовательности перехода отъ одного приѣма къ другому. Отъ фактовъ дѣлается наведеніе или заключеніе (*inductio*) объ общихъ законахъ; изъ послѣднихъ производятся выводы (*deductio*) практическаго или научнаго свойства. (Напр. изъ обобщенія, что всѣ люди безъ различія племени и расы подчинялись однородному историческому закону въ развитіи семьи и собственности, дѣлается выводъ, что у Римлянъ, Грековъ, или Германцевъ непремѣнно былъ періодъ каммунальнаго, полиандрическаго и полигамическаго брака и т. д.) Понятно послѣ того, какую важность получаетъ малѣйшая неполнота, невѣрность или поспѣшность въ индуктивномъ обобщеніи.

Талантъ изслѣдователя и его научная добросовѣстность всецѣло опредѣляются тѣмъ: умѣлъ ли онъ воздержаться отъ дедукціи тамъ, гдѣ можно и должно примѣнять только одну индукцію, и наоборотъ—сдѣланъ ли имъ своевременно дедуктивный выводъ объ универсальномъ законѣ для извѣстныхъ явленій на основаніи твердой и полно поставленной индукціи?

Главная мысль наша такова: нужно еще очень многое сдѣлать въ исторіи права посредствомъ примѣненія одной индукціи, прежде чѣмъ будетъ достигнуто желанное согласованіе обоихъ приѣмовъ изслѣдованія въ вопросахъ всеобщей исторіи права. Самыя же условія и задачи индукціи въ современной исторіи права могутъ быть выражены въ цѣломъ ряду отдѣльныхъ методологическихъ положеній.

Выше были указаны внѣшніе признаки и приемы индукціи. Установимъ теперь главныя положенія, къ которымъ сводится, въ существѣ своемъ, теорія индуктивнаго метода. Положенія эти суть слѣдующія: 1) внимательное изученіе показываетъ, что факты міра нравственнаго и общественнаго совершаются, подобно явленіямъ міра физическаго, по извѣстнымъ законамъ, которые опредѣляютъ существованіе и послѣдовательную смѣну (развитіе) фактовъ; 2) законы эти познаются не а priori, а посредствомъ наблюденія; 3) законы міра нравственнаго и общественнаго не подлежатъ прямому наблюденію и опыту наравнѣ съ фактами и явленіями физическими, такъ какъ факты общежитія, и даже психологическія, отличаются свойствомъ измѣняемости подъ вліяніемъ свободной и разумной воли человѣка; 4) тѣмъ не менѣе измѣнчивость, о которой сказано выше, ослабляется и иногда даже вовсе устраняется частымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же фактовъ и явленій, откуда происходитъ возможность: уловить постоянство отношеній, связь причины съ послѣдствіемъ, взаимодѣйствіе между слѣдствіемъ и причиной и т. д. 5) Такимъ образомъ наблюденіе въ мірѣ нравственныхъ и общественныхъ явленій сводится къ собиранію и сравненію цѣлыхъ рядовъ (или серій) сходныхъ аналогическихъ фактовъ, при чемъ наибольшая точность результатовъ состоитъ въ зависимости отъ наибольшей фактической полноты и широты наблюдаемыхъ и сравниваемыхъ серій. 6) Отсюда ясно, какое важное значеніе для всеобщей исторіи права имѣетъ сравнительное изученіе частныхъ, главнымъ образомъ со стороны сходства или аналогіи государственныхъ или юридическихъ учрежденій у возможно большаго числа народовъ. Справедливо замѣчаетъ профессоръ Сергѣевичъ (Сборникъ Государств. знаній, глава VII. стр. 47), слѣдующее: „ничто такъ не приводитъ къ убѣжденію въ существованіи общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ, какъ наблюденіе сходныхъ явленій у народовъ, которые развились безъ малѣйшаго вліянія другъ на друга. Въ виду такихъ сходствъ, необходимо возникаетъ мысль о томъ, что ходъ исторіи не есть дѣло человѣческаго каприза, а обусловливается потребностію человѣческой природы, которая вездѣ одна и вездѣ приводитъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Сравнительное изученіе исторіи становится вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіемъ природы человѣка и его потребностей“. Вообще историко-сравнительный методъ, какъ видоизмѣненіе и развитіе бэконовскихъ научныхъ приемовъ, становится теперь кореннымъ условіемъ для наукъ государственныхъ и юридическихъ. Нельзя ничего возразить противъ вѣрности того замѣчанія, что опыты сравненія въ послѣднее время начинаютъ встрѣ-

чаться все чаще и чаще въ трудахъ по исторіи права, какъ западно-европейскихъ ученыхъ, такъ и нашихъ отечественныхъ.

Въ сферѣ однѣхъ наукъ, факты и явленія сравнительно просты; связь между этими фактами безъ особеннаго труда поддается опредѣленію въ видѣ формулъ для научныхъ обобщеній и законовъ. Въ другихъ наукахъ, напротивъ, факты или явленія сложны; соотношеніе между послѣдними скрыто и лишь съ великимъ трудомъ находить для себя вѣрное выраженіе въ формулахъ не только для общихъ, но даже для эмпирическихъ (относительно-вѣрныхъ) законовъ. Всѣ такъ называемыя общественныя науки, со включеніемъ исторіи права, относятся къ послѣдней категоріи знаній. Мало этого: общественныя науки, какъ видно это изъ предыдущаго изложенія о методахъ, нуждаются въ возможно большемъ количествѣ фактовъ, которые были бы съ точностію выяснены въ своихъ признакахъ и вѣрно распределены между отдѣльными рядами (серіями) для сходныхъ фактовъ и явленій. Чѣмъ шире область наблюденій и сравненій, говоритъ современная методологія, тѣмъ тверже добываемые результаты. (Сравни англійск. сочин. Флинта, *Философія исторіи*, стр. 23 etc.) Теперь для насъ будетъ ясно, когда мы скажемъ, что не мыслимо искать литературы по всеобщей исторіи права ни въ Римѣ или Греціи, ни въ западной Европѣ, отъ эпохи средне-вѣковыхъ глоссаторовъ до XVIII столѣтія.

Преобладаніе догматическихъ приемовъ изученія права у римлянъ составляетъ общеизвѣстную и старинную истину. Римская юридическая литература имѣла цѣлыя бібліотеки монографическихъ работъ практико-казуистическаго направленія; изъ отрывковъ и остатковъ этихъ работъ составились знаменитые пандекты Юстиніана. Но тѣмъ сильнѣе поражаетъ, возлѣ богатствъ казуистики и догматики, бѣдность и слабость отрывковъ изъ исторической работы Помпонія. Направленіе римскихъ юристовъ, чуждое историческаго знанія, унаслѣдовано, подъ вліяніемъ многихъ причинъ и условій, средне-вѣковыми глассаторами въ итальянскихъ и другихъ университетахъ западной Европы. Извѣстный германскій ученый Савиньи доказалъ въ своемъ трудѣ (*Исторія римскаго права въ средніе вѣка*), что школа глоссаторовъ имѣла научное значеніе, что въ ней не вѣрно было бы предполагать только однихъ юристовъ-практиковъ. Но несомнѣнно, что тонкій анализъ Савиньи не открылъ въ литературѣ глоссаторовъ ни единого проблеска идеи объ исторіи права, даже какъ о средствѣ для истолкованія отдѣльныхъ право-положеній.

Схоластическая философія, овладѣвшая самой юриспруденціей въ эпоху паденія глоссаторской школы (конецъ 13 и 14 столѣтіе), еще

менѣ могла благопріятствовать историческому изученію права. Цѣлью для юриста-схоластика было—„перевести все право въ силлогизмъ“. Діалектика, иногда тонкая и блестящая, но чаще всего темная и причудливая, употреблялась какъ средство подтвердить правовыми положеніями неизмѣнныя положенія теологіи (*Jurisprudentia est ancilla theologiae.*) При такомъ преобладаніи искаженной формы дедукціи, какъ любимого метода всѣхъ схоластиковъ, нельзя не указать еще одного отрицательнаго явленія, а именно: мы разумѣемъ полное отсутствіе вѣрныхъ представленій объ истинной природѣ права положительнаго; напротивъ, тогда преобладали такія воззрѣнія, которыми отвергалась въ корнѣ всякая идея о связи права положительнаго съ національностью и другими реальными условіями жизни или культуры того или другого народа. Положительнымъ правомъ признавались или „самимъ Богомъ внушенное“ право римское, или же постановленія произвольно данныя законодателемъ. Понятія объ обычномъ правѣ, какъ одномъ изъ обильныхъ источниковъ положительнаго права, не было и въ зародышѣ. Но если положительное право есть или только нѣчто заимствованное извнѣ, или нѣчто предписанное по произволу законодателя, то очевидно, что при такихъ понятіяхъ нѣтъ мѣста для научной исторіи права. Право положительное возникаетъ и существуетъ, для средневѣковыхъ юристовъ, механически и искусственно, внѣ всякой внутренней связи съ бытомъ народовъ, съ ихъ политическими учрежденіями и съ цѣлымъ содержаніемъ общественной жизни. Нельзя перейти отъ подобныхъ представленій къ идеѣ о послѣдовательномъ и закономѣрномъ развитіи права, какъ живого организма, т. е., другими словами, нельзя имѣть исторію права положительнаго. Первые проблески идей объ исторіи права, объ ея научномъ значеніи принадлежатъ французской школѣ XVI столѣтія. Идеи эти высказываются сначала юристами, которые желаютъ комментировать, съ помощію исторіи, источники римскаго права. (Школа *Кюжаса*). Но здѣсь же во Франціи имѣемъ мы дѣло съ самымъ раннимъ представителемъ историко-философскаго направленія въ лицѣ *Жана Бодена* (*Jean Bodin*), автора знаменитаго сочиненія „о государствѣ“ (1561 г.) и другого, менѣе извѣстнаго труда, „объ изученіи исторіи“ (1551 г.).

Въ то время, какъ школа *Кюжаса* держалась на почвѣ историческаго комментарія надъ однимъ матеріаломъ римскаго права, *Жанъ Боденъ* выставилъ требованіе объ изученіи исторіи права по сравнительному методу. Полемизируя противъ историко-эксегетическаго (толковательнаго) метода *Кюжаса* и его послѣдователей, *Жанъ Боденъ* исходитъ изъ такой точки зрѣнія, что нельзя считать римское право

всеобщимъ, универсальнымъ закономъ (ratio scripta). Всеобщее начало въ правѣ, по мнѣнію Бодена, есть „вѣчная истина“, которая раскрывается въ различныхъ сводахъ положительныхъ законовъ.

„Персы, греки, египтяне, евреи, испанцы, англичане и прочіе народы, говоритъ Боденъ, должны занять то мѣсто возлѣ римлянъ, которое принадлежитъ имъ. Мы желаемъ собрать разбросанные законы всѣхъ древнихъ народовъ, потому что въ исторіи заключается лучшая часть всеобщаго права. Философія умерла бы среди своихъ общихъ правилъ отъ безсилія, если бы она не оживлялась исторіей“. Въ этихъ строкахъ, написанныхъ во второй половинѣ XVI столѣтія, Боденъ очень ясно высказалъ идеи всемірной исторіи права, предупредивъ на сто лѣтъ Лейбница и болѣе, чѣмъ двумя столѣтіями,—ученіе о томъ же предметѣ Фейербаха, Тибо и гегеліанской школы. Любопытно, между прочимъ, сопоставить вышеназложенное разсужденіе Бодена съ общезвѣстной сентенціею германскаго цивилиста Тибо въ полемикѣ его противъ савиніанской школы. „Нельзя назвать настоящей исторіею такую, говоритъ Тибо въ „*Civilistische Abhandlungen*“, стр. 433,—которая приковываетъ свой взоръ къ исторіи одного народа, скупо выщипывая изъ нея мелочи... Чтобы быть вполне прагматическою, исторія права должна обнять законодательства всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ. Десять богатыхъ мыслями лекцій о правѣ персовъ и китайцевъ пробудили бы въ слушателяхъ болѣе настоящаго юридическаго смысла, нежели сотни чтеній о жалкой пачкотнѣ, которой подвергалось наслѣдственное право въ періодъ отъ Августа до Юстиніана“¹⁾. Но не въ одномъ только раннемъ выраженіи мыслей о всеобщей исторіи права, разработанной по сравнительному методу, заключается заслуга Жана Бодена въ литературѣ нашего предмета. Жанъ Боденъ едва ли не первый затронулъ вопросъ о законности и прогрессѣ въ исторіи вообще, т. е. коснулся тѣхъ условій, при которыхъ единственно возможно придать научный характеръ этой отрасли человѣческихъ знаній (см. о Жанѣ Боденѣ француз. сочиненіе Бодрильяра: „*Jean Bodin et son temps*“ и англійскую книгу Флинта „*Philosophy of History*“ кн. I стр. 65—80. Объ отношеніи Бодена къ историко-экзегетической школѣ юристовъ XVI столѣтія А. Н. Стоянова, Харьковъ 1862 г. „Методы разработки положительнаго права и общественное значеніе юристовъ“ etc). Наконецъ Ж. Боденъ предупреждаетъ Монтескье, изложивъ мысли о вліяніи политическихъ и физическихъ причинъ на исторію человѣчества (полюбе

¹⁾ Въ подробности можно прочесть на русскомъ языкѣ всю полемику Тибо и Савиньи въ энциклопедіи Неволіана.

въ книгѣ „de Republica“, чѣмъ въ сочиненіи „Methodus ad facilem historiarum cognitionem“). Приложение такихъ мыслей о естественныхъ и политическихъ факторахъ къ исторіи права было существенно необходимымъ условіемъ для того, чтобы наука эта получила свое настоящее значеніе и перестала быть или однимъ пособіемъ для толкованія источниковъ, или же безсвязнымъ собраніемъ юридическихъ древностей. Великую задачу эту поставилъ и въ значительной степени разрѣшилъ *Монтескьё*, вмѣстѣ съ предшественникомъ своимъ *Жаномъ Боденомъ*. Преемственная связь *Монтескьё* съ *Жаномъ Боденомъ* нисколько не умаляетъ собственнаго значенія автора „Духа Законовъ“ въ литературѣ исторіи права. Напротивъ, *Монтескьё*, какъ писатель, имѣетъ многія типическія черты всѣхъ лучшихъ представителей XVIII столѣтія. Онъ—естественный противникъ всяческаго мистицизма въ наукѣ, хотя бы мистицизмъ этотъ покрывался блескомъ талантовъ самаго Боссюэта. Самъ *Монтескьё* рационалистъ въ томъ смыслѣ, что глубоко вѣруеть въ разумъ, какъ высшую силу человѣческой природы, видя въ немъ могущественное орудіе для разъясненія причины и свойствъ вещей. При этомъ являются у *Монтескьё* какъ бы естественными качествами: широта, безпристрастіе и какое то особенное спокойствіе ума. Яснымъ, но въ то же время умѣреннымъ и твердымъ взглядомъ смотритъ *Монтескьё* на вопросы общественнаго блага и на тѣ учрежденія, отъ которыхъ можетъ зависѣть въ большей или меньшей степени счастье людей. Наконецъ всѣ черты эти завершаются у *Монтескьё* глубиною историко-философскаго метода, направленнаго къ разъясненію фактовъ и явленій въ закономѣрныхъ и общихъ причинахъ ихъ. „Я не приводилъ, говоритъ *Монтескьё*,—всѣхъ подробностей... Я установилъ принципы и увидѣлъ, что частные случаи подошли къ нимъ, какъ бы сами собою; исторія всѣхъ націй явилась ихъ послѣдствіемъ. Одинъ частный законъ примѣнулъ къ другому, и обнаружилась зависимость ихъ отъ одного общаго закона“.

Въ связи съ этимъ, у *Монтескьё* проглядываетъ идея, что всякое историческое явленіе есть результатъ цѣлаго ряда предшествующихъ причинъ, которыя приготовили возможность его въ позднѣйшемъ времени. Здѣсь уже заключается объясненіе, почему у *Монтескьё* выступаетъ на первый планъ вопросъ о вліяніи политическихъ и физическихъ факторовъ на содержаніе и духъ законовъ. Иного пути не было для писателя и мыслителя, который всегда и вездѣ искалъ внутреннихъ и естественныхъ основаній въ историческихъ явленіяхъ. Въ этомъ пунктѣ мы находимъ любопытную точку соприкосновенія между *Монтескьё* и *Бэкономъ*, на что указано уже было нами въ одной печатной

работѣ (Методы разработки полож. права, стр. 103 etc.). Подобно Монтескьѣ, и Бэконъ думаетъ, что существеннымъ условіемъ для исторіи, какъ науки, должно быть „уразумѣніе причинъ, производящихъ извѣстные факты, и устраненіе произвольнаго (субъективнаго) мѣрила въ оцѣнкѣ и уясненіи событій“. Объективность Монтескьѣ въ воззрѣніяхъ его на исторію, желаніе его объяснить смыслъ событій, стоя на реальной почвѣ самой исторіи,—эти качества признаются безспорными у Монтескьѣ даже такими строгими цѣнителями, каковымъ является основательный Флинтъ (см. его *Philosophy of History* pp. 93—108). Сочиненіе Монтескьѣ („Духъ Законовъ“) во всякомъ случаѣ есть первый вкладъ въ литературу исторіи права; и до сихъ поръ цѣнность этого вклада несомнѣнна, не смотря на существованіе слабыхъ сторонъ въ приложеніи сравнительнаго метода, въ смѣшеніи индукціи съ дедукціей, въ преобладаніи поспѣшныхъ обобщеній надъ точно выведенными эмпирическими законами, въ преувеличеніи вліянія со стороны физическихъ и географическихъ факторовъ на государственныя и юридическія учрежденія различныхъ народовъ. Но кто знакомъ съ дальнѣйшимъ и современнымъ ходомъ научныхъ изслѣдованій, тотъ сознается, что все-таки въ коренномъ вопросѣ объ условіяхъ и причинахъ, вліяющихъ на правовое и государственное развитіе народовъ, ими Монтескьѣ до сихъ поръ не вытѣснено работами Гуго, Савиньи, Цахаріэ, Шмитгеннера, Шютценберга, Кольба, Вахсмута, Клемма, Гобино, Вайтца (антрополога), Токвиля, Арнольда, Фюстеля-Куланжа, Фримана, Мэна и нѣкоторыхъ другихъ. Примемъ также въ соображеніе еще нѣкоторыя обстоятельства: 1) Не всѣ новые писатели (не исключая Бокля, Спенсера, Гелльвальда и нѣкоторыхъ другихъ) сумѣли вѣрно поставить вопросъ о вліяніи на право и культуру естественныхъ факторовъ вообще и нѣкоторыхъ факторовъ въ особенности (примѣръ—крайняя теорія графа Габинд о вліяніи расы). 2) Лишь въ новѣйшее время, при успѣхахъ только-что народившейся этнологіи, стали различать между непосредственнымъ и косвеннымъ вліяніемъ естественныхъ факторовъ на всю цивилизацію челоуѣка, ограничивая сферу перваго и расширяя сферу послѣдняго вида воздѣйствія природы, расы, географическаго положенія etc.... 3) Только теперь, при быстромъ накопленіи историко-юридическихъ и этнографическихъ данныхъ, можно рассчитывать на лучшія научныя условія для индукціи и для дедуктивныхъ заключеній по вопросамъ о законахъ возникновенія и развитія различныхъ учреждений. При Монтескьѣ условія эти не существовали, чему служитъ, между прочимъ, доказательствомъ, книга Горе (Goguet) „de l'origine des lois, des arts et des sciences“, появившаяся чрезъ 10 лѣтъ (1758 г.) послѣ „Духа

Законовъ“ и тѣмъ не менѣе представляющая собою весьма скудный уровень знаній о культурѣ и этнографіи человѣческихъ обществъ. Припомнимъ также, что признакомъ такой слабости вспомогательныхъ знаній, имѣющихъ существенное значеніе для всеобщей исторіи права, въ половинѣ XVIII столѣтія можетъ служить идеализація учреждений нѣкоторыхъ государствъ (напр. Китая) и парадоксальная утопія Руссо о естественномъ состояніи первобытнаго человѣка. Вообще можно смѣло сказать, что положительное значеніе для науки и литературы до сихъ поръ еще преобладаетъ надъ слабыми сторонами въ сочиненіяхъ Монтескье, какъ историка права. Монтескье имѣлъ и провелъ вѣрное воззрѣніе на сущность положительнаго права, какъ организма юридическихъ нормъ, тѣсно связанныхъ съ жизнью, характеромъ и всею культурою націй. Монтескье приложилъ сравнительный методъ къ разработкѣ исторіи законодательства. Онъ же снова подтвердилъ и приложилъ коренную идею о законмѣрности и прогрессивномъ развитіи фактовъ въ исторіи законодательства. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, Монтескье былъ подготовителемъ и руководителемъ знаменитой исторической школы (Гуго—Савиніанской) въ Германіи въ концѣ XVIII столѣтія и въ первой четверти XIX. Для школы Савиньи, какъ и для Монтескье, образованіе и развитіе права зависитъ не отъ произвола или случая, но отъ цѣлой совокупности причинъ, факторовъ и обстоятельствъ, органически обуславливающихъ историческое существованіе права. Здѣсь, въ доктринахъ Монтескье и Савиньи, право есть одна изъ многихъ группъ явленій общественной жизни, при чемъ группа правовыхъ явленій солидарна (состоитъ въ зависимости и связи) со всѣми другими группами общественныхъ фактовъ и явленій. Для Савиньи, какъ и для Монтескье, право положительное есть результатъ законмѣрнаго возникновенія и развитія изъ объективныхъ и психологическихъ данныхъ въ жизни и духѣ каждаго народа.

Подобно Монтескье, Савиньи не высказывалъ идеи ни о всемірной исторіи права, ни о сравнительной юриспруденціи. Но Савиньи, какъ и Монтескье, сдѣлалъ болѣе, чѣмъ кто-либо, возможною для настоящаго времени науку всеобщей исторіи права, потому что оба они оказались гениальными популяризаторами идей объ органической природѣ положительнаго права и о законмѣрномъ образованіи права въ исторіи. По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ, оба они имѣли громадное вліяніе на методъ историческаго изслѣдованія сначала въ области права отдѣльныхъ народовъ и затѣмъ, путемъ естественнаго перехода отъ частнаго къ общему, въ сферѣ всемірной исторіи права. Справедливость требуетъ признанія и оцѣнки того факта, что на возрожденіе въ по-

вѣйшее время идеи всемірной исторіи права подѣйствовала философія гегелевской школы. Гансъ, авторъ одной изъ первыхъ работъ по всеобщей исторіи права „о законахъ наслѣдованія“, былъ гегеліанецъ ¹⁾. Послѣ Ганса, наиболѣе ранняя монографическая работа по всеобщей исторіи права принадлежитъ Унгеру ²⁾, изслѣдовавшему историческое развитіе брака. Въ 1866 году вышло въ Германіи сочиненіе *Майера*, излагающее по сравнительному методу еврейское, аѳинское и римское законодательства (*Die Rechte der Jsraëlitzen, Athener und Römer*). Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, во Франціи вышло обширное сочиненіе *Пасторе* (*Pastoret*) „*Histoire de la legislation*“ въ XI томахъ, 1817—1837 г. Другое сочиненіе общаго содержанія написано также французскимъ ученымъ *Пуаэромъ* (*Pouhaër*) [*Essai sur l'histoire générale du droit*, 1849]. Къ литературѣ всеобщей исторіи права можно отнести извѣстное и капитальное сочиненіе гентскаго профессора *Дорана*, особенно первые три тома его (*Laurent „Histoire du droit des gens“ 1-ère edition*). Общіе и краткіе очерки всемірной исторіи права находятся въ юридическихъ энциклопедіяхъ *Аренса* и *Варкѣнна*. По-русски общее сочиненіе въ видѣ учебника „Исторія права“ принадлежитъ профессору *Капустину* (Ярославль 1872 г.). Монографіи, относящіяся къ всеобщей исторіи права и учреждений также немногочисленны на русскомъ языкѣ, а именно сюда относятся: 1) *Осипова* (профессора казанскаго университета) „Брачное право древняго Востока“, 2) *А. Н. Стоянова* „Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ“, Харьковъ 1869 г. 3) Профессора *Кистяковскаго* „Изслѣдованіе о смертной казни“, Кіевъ 1857 г. 4) *Заиоровскаго* „О незаконнорожденныхъ дѣтяхъ по различнымъ европейскимъ законодательствамъ“. 5) *М. Ковалевскаго* „Общинное землевладѣніе, причина, ходъ и послѣдствія его разложенія, часть I. Москва 1879 г. и нѣк. др.

Матеріалъ для всемірной исторіи права можно отыскать въ иностранной литературѣ, въ такъ называемыхъ „исторіяхъ культуры“, а именно: у *Вахсмута*, *Клемма*, *Кольба*, *Вутке* и *Гельвальда*. Весьма важна всеобщая исторія *Дункера* (для исторіи древнихъ законодательствъ). Имѣютъ значеніе и другіе нѣмецкіе учебники по всемірной исторіи, а именно: книга *Шлюссера*, *Вебера* (полный курсъ) и т. д. Общую теорію науки сравнительнаго правовѣдѣнія попытался изложить италіанскій ученый *Амарі* (*Emerico Amari, critica di una scienza della legislazioni comparate Genova 1857*). Важнѣйшія монографіи на фран-

¹⁾ По нѣмецки его сочиненіе называется „*Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung*“, 1824—1855. 4 Bd.

²⁾ Die Ehe in ihrer weltgeschichtlicher Entwicklung*.

пузскомъ и другихъ западно-европейскихъ языкахъ принадлежатъ: *Лабуле* („Исторія собственности на западѣ“, „О юридическомъ и политическомъ положеніи женщинъ“); *Кенигсвартеру* (мемуары о развитіи челоѣческаго общества, въ запискахъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Серія II, томъ V, страница 75, 203 etc., а также въ журналѣ Воровскаго); *Дюбуа* („Уголовное право“ по различнымъ законодательствамъ древняго и новаго міра, отъ конца 50-хъ годовъ до 1870 года); *Тониссену* (Бельгійскому профессору)—(„Этюды по уголовному праву на востокъ и въ Греціи 1869, 1873 гг.“); Парижскому профессору *Польо Жиду* (Paul Gide) („О юридическомъ положеніи женщины“ въ 60-хъ годахъ); *Фюстелю-де-Куланжу* („La cité antique“) и много другихъ.

Въ англійской литературѣ громаднй интересъ для всеобщей исторіи права имѣютъ всѣ работы *Мэна и Спенсера* (соціологія). Смотри также *Мэя* („О демократіи въ Европѣ“ 2 тома 1877 г. по англійски). *Фримана* (Сравнительная политика 1873 г. по англійски). Работы новѣйшей историко-этнографической школы, особенно многочисленны въ послѣднее время; они ведутся въ духѣ и по методу *Тейлора*, а именно: сочиненія *Леббока*, *Жиро-Тёлона*, *Морича*, *Макъ-Леннана*, *Фаррера*, *М. Ковалевскаго* и многихъ другихъ. Собраніе и разработка матеріала для сравнительной этнологіи имѣется у *Бастіана*, *Колера*, *Поста* (у послѣдняго въ связи съ попыткою построенія всей юриспруденціи съ помощью сравнительно-этнографическаго метода) и въ особыхъ періодическихъ изданіяхъ по этнографіи и сравнительной исторіи права. Наконецъ, сравнительные историческіе этюды встрѣчаются теперь во множествѣ работъ по различнымъ вопросамъ отдѣльныхъ національныхъ законодательствъ.

III. Общее ученіе о прогрессѣ и приложеніе его къ сравнительной исторіи права.

Мы видѣли выше, что современное понятіе объ исторіи, какъ наукѣ, содержитъ въ себѣ, въ качествѣ составныхъ элементовъ, два другихъ соподчиненныхъ понятія, а именно: идею высшихъ законовъ, управляющихъ историческими явленіями, и идею прогресса. Вотъ почему оказывается необходимымъ разсмотрѣть ученіе о прогрессѣ, прежде чѣмъ приступить къ подробному изложенію всеобщей исторіи права. Идея прогресса имѣетъ свою исторію, и при томъ такую исторію, которая не восходитъ особенно далеко вверхъ отъ новаго времени ¹⁾.

¹⁾ Сравни. *Javari*, de l'idée du progrès, 1851. *De Ferron*. Tréorie du progrès 1867. Flint, Philosophy of History 1874. Сергѣевичъ, Сборникъ государствъ, знаній, т. VII. G. C. Lewis, „On the methods of observation and reasoning in politics“, vol. II.

Справедливо указываютъ нѣкоторые писатели на солидарность между ученіемъ о прогрессѣ и взглядами на исторію вообще. По крайней мѣрѣ наблюденія надъ совершившимися уже явленіями приводятъ къ заключенію, что на востокѣ, гдѣ нѣтъ понятія объ истинной исторіи (см. Индія, Египетъ, Іудея etc.), какъ наукѣ, не существуетъ никакихъ представленій о прогрессѣ. Въ Греціи и въ Римѣ есть только первые проблески этой идеи; но выражена она неопредѣленно, шатко, въ всякой связи съ фактами, съ цѣлымъ содержаніемъ гражданственности Греціи и Рима.

Преобладаетъ у древнихъ людей классическаго вѣка другое представление, исключющее новѣйшее понятіе о прогрессѣ; мы разумѣмъ вѣру въ золотой вѣкъ, отъ котораго человѣчество фатально спускается, какъ бы по наклонной плоскости, къ эпохѣ паденія, къ желѣзному вѣку. Но можетъ быть на міровоззрѣніе древне-классическаго вѣка, который не опирался на долговременный опытъ людей новѣйшихъ цивилизацій,—на міросозерцаніе это повліяло наблюденіе надъ непосредственными, ближайшими явленіями природы и общества человѣческаго. Съ такой точки зрѣнія, смерть является неизбѣжнымъ и подавляющимъ закономъ для всего существующаго; упадокъ и разрушеніе, но не развитіе и улучшеніе,—есть судьба всего, что нарождается. При отсутствіи правильно понимаемаго догмата безсмертія въ языческихъ религіяхъ Греціи и Рима, трудно было тогда дойти до отвлеченной и рациональной идеи о прогрессѣ; идея такая на каждомъ шагѣ сталкивалась съ дѣйствительностью, обреченною на гибель, и съ античнымъ отождествленіемъ жизни цѣлыхъ народовъ съ жизнью и съ возрастами отдѣльнаго человѣка, также осужденнаго на старость и уничтоженіе ¹⁾. Въ средніе вѣка, при господствѣ христіанской религіи, водворяется богословское, а затѣмъ мистическое понятіе объ исторіи и прогрессѣ. Возникаетъ отождествленіе прогресса съ откровеніемъ, и скоро идея о прогрессѣ переходитъ въ знаменитое ученіе о „вѣчномъ евангеліи“, о царствѣ Духа Святаго на землѣ. Параллельно съ этимъ развиваются пессимистическія воззрѣнія на судьбу человѣчества, что выражается ожиданіемъ конца міра, подавлявшимъ душу средневѣковаго европейца.

Единственная свѣтлая точка среди этого мрака обозначается въ ученіяхъ, бывшихъ утопіей для XIII столѣтія, Роджера Бэкона, кото-

¹⁾ Si quis, говорятъ римскій историкъ *Флоръ* (*Florus*), *populum romanum quasi hominem consideret... quatuor gradus, processusque ejus inveniet. Prima aetas sub regibus etc...* Сравни вліяніе этой античной идеи на позднѣйшихъ историковъ, напр. Гиббона. Въ исторіи римскаго права идея этой, повидимому, подчинился Гуго Геттвингенскій.

рый настаиваетъ на великомъ значеніи научнаго опыта и связываетъ съ нимъ предчувствіе умственнаго прогресса въ будущемъ.

Вообще для образованія и полнаго развитія всякаго явленія нужна благоприятная среда; но такой среды для идеи и ученія о прогрессѣ не было до XVII и XVIII столѣтій. Въ эту пору европейское общество имѣло уже за собою долговременную исторію, въ теченіи которой сложилась богатая цивилизація, подъ вліяніемъ географическихъ открытій, всемірной торговли, философіи и, такъ называемаго, возрожденія наукъ и литературы. Государственная жизнь и юридическій бытъ установились на такихъ основахъ, которые съ успѣхомъ выдержали удары и испытанія при внутренней политической борьбѣ и международныхъ столкновеніяхъ отъ XIV до XVI столѣтій. Словомъ, человѣческое сознаніе о прочности существующаго порядка, при послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его отъ худшаго къ лучшему, нашло для себя опору въ историческомъ опытѣ, котораго не имѣла эпоха древняго міра. Ясно, что подобное сознаніе было однимъ изъ благоприятныхъ условий для идеи прогресса, другимъ производящимъ факторомъ которой явились успѣхи въ сферѣ умственнаго развитія. Такимъ образомъ содержаніемъ самой ранней идеи о прогрессѣ было представленіе о послѣдовательномъ улучшеніи (*progressus*). Первою формою, въ которую облеклась идея прогресса, освобожденная отъ средневѣковой мистики, была идея прогресса научнаго у канцлера Бэкона (въ сочиненіи „*Novum Organon*“, а также „*De dignitate et augmentis scientiarum*“). Бэконъ заговорилъ впервые о томъ, что „знаніе есть синонимъ владычества человѣка надъ природою“. (*Knowledge is power*). По взгляду Бэкона, нельзя обращаться за образцами къ прошедшему. Зрѣлость человѣка не въ древности, когда люди переживали пору юности; но въ настоящемъ времени, когда накопилась масса опытовъ, знаній и наблюденій. Было бы постыднымъ для позднѣйшаго человѣчества открыть цѣлыя подвѣздные міры, новыя моря, невѣдомыя земли и страны, но въ то же время заключить свой гений въ тѣсныхъ предѣлахъ знаній и открытій, приобрѣтенныхъ и совершенныхъ одною древностію.

Таковы знаменитые афоризмы, изъ которыхъ возникло мало-помалу, какъ естественное и логическое послѣдствіе, ученіе о прогрессѣ для всего того, что существуетъ въ человѣческомъ обществѣ. Въ построеніи этого ученія принимали участіе всѣ выдающіеся умы въ Европѣ, безъ различія національностей (Декартъ, Паскаль, Фонтенель, Вико, Тюрго, Кондорсё, Пристли, Прайсъ, Лейбницъ, Вольфъ, Иорденъ, Кантъ и многіе другіе). Но XVIII вѣку принадлежитъ наибольшая доля въ органическомъ развитіи идеи прогресса, этого, безспорно,

свѣтлаго и освѣжающаго понятія въ сферѣ европейской образованности и науки.

Между французскими философами и писателями особенное значеніе имѣютъ: мысли Декарта, Паскаля, а также полное развитіе ученія о прогрессѣ въ знаменитыхъ рѣчахъ, которыя произнесены, въ 1749 г., извѣстнымъ государственнымъ человѣкомъ Франціи, Тюрго, бывшимъ въ ту пору пріоромъ Сорбонны ¹⁾. Многія мысли Тюрго особенно глубоки и новы для того времени (напр. указанія на три различныя и послѣдовательныя ступени въ міросозерцаніи людей, которые прежде всего объясняютъ явленія окружающаго насъ міра сверхъ-естественными причинами; затѣмъ переходятъ къ понятію о естественныхъ, но скрытыхъ причинахъ (*causes occultes*) и наконецъ останавливаются на идеѣ о высшихъ и реальныхъ законахъ и условіяхъ для всего, что существуетъ). Цѣлью или объективомъ для прогрессивнаго продолженія исторіи Тюрго признаетъ слѣдующее: 1) развитіе просвѣщенія, 2) смягченіе нравовъ, 3) улучшеніе учреждений. По его мнѣнію интересы націй и успѣхи управленія сводятся къ однороднымъ понятіямъ и результатамъ: къ уваженію личности человѣческой и труда, къ неприкосновенности права собственности, къ безпристрастному и равному для всѣхъ правосудію. „Истина находится уже на пути, въ концѣ котораго видны слава и счастье быть полезнымъ человѣчеству“. (*Le tour du monde est encore à faire;—la vérité est sur la route, la gloire et le bonheur d'être utile sont au bout*). Громкою извѣстностію пользуется этюдъ жиро-ниста Кондорсэ (*Condorcet*), погибшаго въ эпоху якобинскаго террора. Мы разумѣемъ здѣсь „очеркъ исторической картины успѣховъ ума человѣческаго“. (*Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*). Этюдъ Кондорсэ, написанный въ виду гильотины, носитъ на себѣ всѣ характерныя черты того страшнаго времени и объясняетъ тѣ многочисленные недостатки, въ которыхъ съ точки зрѣнія научнаго критерія укоряли его позднѣйшіе критики. Многіе изъ этихъ порицателей были слишкомъ суровы къ Кондорсэ, тогда какъ, съ другой стороны, послѣдователи нѣкоторыхъ доктринъ во Франціи, можно сказать, фанатически прославляли ученіе Кондорсэ о прогрессѣ. Въ сущности, Кондорсэ не заслуживаетъ ни одной изъ этихъ крайнихъ, взаимно исключających одна другую, оцѣнокъ. Онъ не былъ ни такимъ ученымъ человѣкомъ, къ которому можно было бы предъявлять требованія о глубинѣ и объективности историческаго изслѣдованія и обобщенія, ни такимъ безумнымъ утопистомъ, какимъ изображаютъ его до по-

¹⁾ Смотри очень обстоятельный разборъ этихъ рѣчей у Флинта (стр. 109—124).

слѣднѣяго времени литературные пѣнители извѣстнаго лагеря въ самой Франціи ¹⁾. Лучшую оцѣнку во всѣхъ отношеніяхъ получилъ Кондорсе въ книгѣ англійскаго писателя Флинта (L. C. Chapter VI. pp. 125 etc.). Въ серьезномъ и глубоко-научномъ изслѣдованіи этомъ показаны какъ слабыя стороны, такъ и достоинства въ предсмертномъ трудѣ, во всякомъ случаѣ, одного изъ замѣчательныхъ людей конца XVIII столѣтія во Франціи. Ошибки въ этнографіи, мало вѣдомой всей тогдашней интеллигенціи, тенденціозныя историческія оцѣнки и обобщенія, которыми страдали, мимоходомъ сказать, и Руссо и самъ „Фернейскій мудрецъ“,—все это фактъ вѣрный. Но очевиденъ также возвышенный и любящій взглядъ этого благороднаго ума на природу и на призваніе человѣка въ исторіи и въ обществѣ. Вѣрно и то, что для Кондорсе „путь, который ведетъ къ добродѣтели,—есть истина“, т. е. существуетъ близость и неразрывная связь между умственнымъ и нравственнымъ улучшеніемъ человѣка. Однимъ словомъ, если въ ученіи Кондорсе страдаютъ недостатками эрудиции и безпристрастія политическая и историческая части, за то имѣетъ несомнѣнную цѣнность тотъ отдѣлъ, гдѣ онъ говоритъ объ умственной и нравственной усовершенности человѣческой природы. Здѣсь Кондорсе, этотъ энтузіастъ своихъ догматическихъ идей и нетерпимыхъ убѣжденій, оказывается менѣе одностороннимъ, чѣмъ нѣкоторые выдающіеся представители новѣйшаго позитивизма (напр. Бокль). Позднѣйшіе критики, Кузѣнъ и отчасти Каро во Франціи, нападали на Кондорсе за его формулу „безграничнаго прогресса“ (*progrès infini*). За это къ Кондорсе приложенъ былъ ироническій эпитетъ „l'illuminé du progrès“ (т. е. ясновидецъ прогресса). Но и здѣсь есть преувеличеніе критики, до извѣстной степени понятной для насъ, какъ результатъ нетерпимости того литературнаго и политическаго слоя французскаго общества, къ которому принадлежатъ вышеназванные писатели. Кондорсе не имѣлъ въ виду доказывать возможность такого прогресса, который былъ бы чѣмъ-то абсолютнымъ и не зависѣлъ ни отъ данныхъ условій среды, ни отъ свойствъ человѣческой, т. е. ограниченной, природы. Вообще говорить о прогрессѣ для абсолютно-разумнаго существа, для какого-то идеальнаго, всесторонняго и совершеннаго человѣка было бы логическою, не только историческою, нелѣпостью. Говоря о безконечномъ прогрессѣ, Кондорсе желалъ выразить мысль, что „нельзя установить точныхъ предѣловъ для развитія знаній человѣческихъ“. И дѣйствительно, стоитъ припомнить, что самыя цивилизованныя общества древняго міра знали лишь

¹⁾ Смотри между прочимъ извѣстныя этюды Каро (*Caro, le progrès social*).

три агента или три силы для тѣхъ производствъ, на которыхъ основывалась вся культура Греціи и Рима, а именно: тяжесть, мускульную силу человѣка и животнаго, движеніе воздуха (вѣтеръ, которымъ до сихъ поръ пользуются въ нашемъ хозяйствѣ). Только XV вѣкъ нашего лѣтосчисленія прибавилъ сюда силу газа (порохъ) и земнаго электричества (компасъ). Но въ XVIII и XIX вѣкахъ вошли въ сферу агентовъ культуры силы пара и электричества. Кто же скажетъ послѣ этого, гдѣ конечный предѣлъ для расширенія наличнаго и громаднаго капитала знаній въ будущемъ?

Развѣ можно считать химерой стремленіе современной науки овладѣть природою настолько, чтобы переводить свѣтъ въ теплоту, электричество въ магнетизмъ, и на оборотъ,—чтобы затѣмъ обратить всѣ эти силы въ механическіе двигатели на служеніе колоссальной дѣятельности человѣка нашей эпохи? Взявѣсимъ такіе результаты знанія, полученные нашею цивилизаціею отъ того момента, когда Бэконъ Веруламскій произнесъ свой афоризмъ: „знаніе есть сила и власть надъ природою“. Припомнимъ, что исходной точкой богатой культуры современной эпохи была пора, когда человѣкъ добылъ наконецъ послѣ многовѣковаго существованія огонь изъ кремня или дерева для своихъ грубыхъ и насущныхъ потребностей. Возстановивъ всѣ эти факты памятью и воображеніемъ, мы лучше поймемъ, почему Кондорсе могъ говорить о „безграничномъ“ прогрессѣ человѣческаго знанія.

Тогда же для насъ окончательно уяснится, почему отъ XVII столѣтія (когда жилъ Бэконъ) до конца XVIII столѣтія (когда жилъ и писалъ Кондорсе) главное содержаніе для понятія о прогрессѣ, какъ о послѣдовательномъ улучшеніи, черпалось изъ исторіи развитія ума и знаній человѣческихъ. Переходя къ германскимъ представителямъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, ученія о прогрессѣ какъ о послѣдовательномъ улучшеніи¹⁾ мы не имѣемъ возможности характеризовать здѣсь цѣлый рядъ писателей отъ Лейбница до Гердера и Канта включительно¹⁾. Для нашей цѣли (т. е. для разъясненія понятія о прогрессѣ, какъ о послѣдовательномъ улучшеніи) достаточно будетъ остановиться на теоріяхъ Канта и его школы²⁾. Совершенно вѣрно давно уже сдѣланное заключеніе, что Кантъ высказалъ только нѣскольکو основныхъ и общихъ мыслей по данному предмету и что мысли эти

¹⁾ Смотри подробности въ вышеназванныхъ пособіяхъ по вопросу о прогрессѣ.

²⁾ *Kant, Idee zu einer allgemeiner Geschichte. in weltbürgerlicher Absicht*, 1774 (Идея о всеобщей исторіи въ космополитическомъ смыслѣ). *Jenisch* (Енишъ, ученикъ Канта) въ сочиненіи *Universal historischer Ueberblick der Entwicklung des Menschen geschlechtes etc.* 1801.

были развиты учениками философа до степени полного и блестящаго ученія объ элементахъ прогресса. Тѣмъ не менѣе достойны вниманія по своей глубинѣ и типичности даже отдѣльныя мысли и сентенціи такого колоссальнаго ума, какимъ былъ Кантъ. Замѣтимъ также, что вліяніе Кантовскихъ идей объ исторіи и прогрессѣ высказывается въ новѣйшихъ произведеніяхъ европейской литературы. Примѣромъ можетъ служить извѣстное сочиненіе Гентскаго профессора Лорана (*Etude sur l'histoire de l'humanité*) гдѣ начертывается рукою знаменитаго ученаго и талантливаго писателя общій планъ исторіи со включеніемъ ученія и идеи о прогрессѣ. Между основными положеніями Канта на первомъ планѣ выступаетъ слѣдующее: „Какъ бы ни различались между собой наши понятія о свободѣ воли, разсматриваемой метафизически, очевидно, что проявленія этой воли, т. е. человѣческія дѣйствія, постольку же находятся подъ вліяніемъ законовъ, какъ и другія физическія явленія“. Въ послѣдующемъ развитіи этой мысли у Канта заключается, собственно говоря, вся сущность многихъ позднѣйшихъ ученій о законности въ области статистическихъ и историческихъ фактовъ.

Затѣмъ слѣдуютъ девять другихъ положеній, которыя могутъ быть сведены къ меньшему числу основныхъ мыслей, а именно: 1) Прирожденныя способности каждаго существа должны развиваться вполне и достигнуть присущей имъ цѣли. 2) Въ частности къ тому же должны направляться, подъ руководствомъ разума, всѣ способности человѣческой природы. По краткости жизни отдѣльнаго человѣка (индивида), развитіе способностей человѣческихъ можетъ и должно достигнуть своихъ цѣлей лишь въ цѣломъ ряду поколѣній, изъ которыхъ одно передаетъ другому въ преемственномъ порядкѣ приобрѣтенные имъ результаты для дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія. 3) Природа такъ создала человѣка, что онъ лишь цѣною постоянныхъ усилій и борьбы можетъ достигнуть цѣлей своего развитія и усовершенствованія, пользуясь при этомъ прирожденными ему силами—разумомъ и волей. (Дедуктивная мысль о борьбѣ за существованіе и о самопомощи, какъ естественныхъ и вмѣстѣ историческихъ законахъ и условіяхъ для жизни и прогресса человѣчества). 4) Самою важною и трудною задачею, а вмѣстѣ и необходимымъ условіемъ для человѣческаго развитія, является устройство общежитія по началамъ права, гдѣ бы каждый могъ проявлять свои способности, не вредя такому же проявленію со стороны другихъ (принципъ, такъ называемаго, правового государства: свобода одного должна согласоваться съ свободой всѣхъ и каждаго).

Послѣ этого не трудно будетъ увидѣть вліяніе Канта на самую полную теорію прогресса, которая только возникала и формулировалась

въ метафизической школѣ этого германскаго философа. По ученію Ениша, существенною чертою человѣка должна быть признана усовершенность, какъ для отдѣльныхъ людей, такъ и для цѣлаго рода человѣческаго. Усовершенность эта состоитъ въ постоянномъ и болѣе полномъ развитіи способностей какъ физической, такъ и духовной природы человѣка. Различные, постепенно смѣнявшіеся, оттѣнки усовершенности опредѣляютъ собой характеръ и содержаніе эпохъ въ исторіи человѣческаго развитія (эпоха первичной, звѣроподобной жизни человѣка, эпоха утонченности, эпоха излишней утонченности, эпоха возвращенія къ нравственности). Идеаломъ для исторіи и для прогресса слѣдуетъ признать: 1) *наивозможно полную гармонію* въ развитіи человѣческихъ способностей, разумія подъ гармоніей разнообразіе въ единствѣ и единство въ разнообразіи (Ср. идеи Лорана). 2) *Нравственную цѣлесообразность* въ развитіи, т. е. направленіе всѣхъ способностей къ моральному возвышенію или облагороженію рода человѣческаго. 3) *Наибольшую скорость и обширность* гармоническаго и нравственно-цѣлесообразнаго развитія въ пространствѣ и во времени.

Дѣйствительно жизнь представляетъ намъ или отрицаніе, или умаленіе и ограниченіе этихъ идеальныхъ признаковъ, условий и цѣлей прогресса. Впрочемъ явленіе такое—несоотвѣтствіе между идеаломъ и дѣйствительностью—оказывается результатомъ извѣстныхъ, такъ сказать, природою опредѣленныхъ законовъ. Сама природа мѣшаетъ достиженію полной гармоніи, такъ какъ ей свойственнѣе стремиться къ разнообразію, чѣмъ къ единству явленій. Сама природа ставитъ преграды нравственно-цѣлесообразному, скорому и широкому развитію *всею рода* человѣческаго, такъ какъ видимо и преимущественно благоприятствуетъ *нѣкоторымъ группамъ и поколѣніямъ людей* въ ихъ стремленіяхъ къ усовершенствованію. Природа стѣсняетъ и ослабляетъ силы человѣка, направляющія его прогрессивное развитіе, такъ какъ самый умственный и нравственный міръ подчиненъ вѣчнымъ законамъ безжизненной матеріи и всемірной связи вещей. Природа равнодушна къ отдѣльному человѣку, работая въ самомъ развитіи всего рода человѣческаго не для индивида, даже не для рода, но для вѣчности.

Такова грандіозная мысль, которой заканчивается талантливая попытка метафизической дедукціи—разгадать тайну всегдашняго разлада между идеей и фактами, между началами безусловнымъ и относительнымъ. Повидимому, находимъ мы здѣсь если не отрицаніе, то скептицизмъ касательно идеи прогресса, какъ послѣдовательнаго улучшенія. Но подобное заключеніе было бы невѣрно. Въ природѣ, понимаемой извѣстнымъ образомъ всею кантовскою школою, и по этому вопросу

объ сущности и условіяхъ прогресса, возлѣ разрушительнаго элемента отыскивается элементъ созидающій, возлѣ яда—противоядіе.

Стремленіе людей къ прогрессу, къ всестороннему и гармоническому развитію силъ своихъ, находитъ для себя поддержку въ томъ самомъ законѣ, по которому природа владычествуетъ надъ свободою (надъ умственнымъ и нравственнымъ міромъ человѣка). Такъ, мало по малу природа подчиняетъ себѣ злую волю людей и ставитъ благо общее выше блага частнаго или особеннаго. Таже причина въ ученіи Кантовской школы утверждаетъ и усиливаетъ верховенство идеи разумной мысли надъ чувственными пожеланіями. Природа укрѣпляетъ слабость отдѣльныхъ людей, побуждая ихъ къ установленію различныхъ союзовъ для достиженія своихъ цѣлей. Наконецъ, природа, давшая разумъ и волю человѣку, противодѣйствуетъ невѣжеству и распространяетъ просвѣщеніе.

Итакъ для Кантовской школы, при фактѣ совмѣстнаго существованія положительныхъ и отрицательныхъ условій, изъ сочетанія тѣхъ и другихъ выводится раціональнымъ путемъ законъ прогресса, какъ послѣдовательнаго улучшенія.

Повѣряя дедукцію свою историческими фактами (*a posteriori*), Енишъ находитъ, что существуетъ дѣйствительный прогрессъ въ цивилизации современнаго общества, сравнительно съ культурнымъ состояніемъ Грековъ и Римлянъ, какъ самыхъ образованныхъ народовъ древности ¹⁾.

Мы разсмотрѣли въ крупнѣйшихъ чертахъ такіа воззрѣнія на прогрессъ, которыя понимали этотъ послѣдній не иначе, какъ улучшеніе, не ставя иногда этому понятію никакихъ границъ и условій. Въ новѣйшее время, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ успѣха въ точныхъ наукахъ, взамѣнъ прежняго понятія о прогрессѣ, выдвинуто новое, болѣе общее и широкое, а именно: прогрессъ понимается какъ *эволюція* или дифференцированіе, т. е. развитіе вещей и явленій, которое заключается въ переходѣ отъ простѣйшаго состоянія къ сложнѣйшему, отъ слитнаго (аморфнаго) къ расчлененному (дифференцированному). Въ статьѣ, напечатанной въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1879 года „Научное значеніе Всеобщей Исторіи Законодательства“ изложено и разобрано нами ученіе одного изъ главнѣйшихъ сторонниковъ понятія о прогрессѣ, какъ объ эволюціи (Спенсера). Теперь мы можемъ указать

¹⁾ Сравн. сходный выводъ въ известномъ сочиненіи англійскаго ученаго, Корваля Льюиза: „On the methods of observation und reasoning in politics“.

еще двѣ статьи, написанныя по-русски, гдѣ изложены мысли о томъ же предметѣ, а именно: профессора *Сергѣевича* (См. VII т. Сборника государственныхъ знаній стр. 58—70) и профессора *Карѣва* (См. Варшавскія университетскія извѣстія 1879 г. № 3 „Формула прогресса въ изученіи исторіи“).

Сличеніе этихъ позднѣйшихъ работъ съ содержаніемъ вышеуказанной статьи въ Юридическомъ Вѣстникѣ только укрѣпляетъ прежнюю нашу точку зрѣнія. *Нельзя держаться, какъ чего-то исключительнаго, ни теоріи прогресса, какъ улучшенія, ни теоріи прогресса, какъ усложненія.* Основанія, по которымъ мы утверждаемъ это вновь, мы съ намѣреніемъ извлечемъ изъ работъ проф. Карѣва и Сергѣевича. „Рядомъ съ указанною прогрессивною силою, говоритъ Карѣвъ, въ дѣйствительности существуютъ еще иныя силы, которыя искажаютъ, останавливаютъ, замедляютъ прогрессъ, даже толкаютъ общество часто назадъ. Вслѣдствіе этого прогрессъ существуетъ рядомъ съ регрессомъ. Человѣчество не есть ничто однородное, но состоитъ изъ множества разныхъ народовъ, стоящихъ на неодинаковыхъ ступеняхъ цивилизаціи; эти народы совершаютъ свой путь то особнякомъ, то взаимно влияя одинъ на другой; исторія одного народа не всегда и не во всемъ похожа на исторію другаго, и въ жизни каждаго народа мы не видимъ прямолинейнаго развитія: эпохи прогресса чередуются съ эпохами регресса, періоды силы съ періодами упадка, время отъ времени происходитъ, такъ сказать, полное перерожденіе народа и т. д.“ Профессоръ Сергѣевичъ, развивъ сходныя замѣчанія (стр. 62—66), присовокупляетъ еще одно, а именно: „понятіе прогресса, какъ улучшенія, стоитъ въ необходимой зависимости отъ личныхъ взглядовъ и вкусовъ, а потому въ примѣненіи къ отдѣлкѣ явленій историческаго роста народовъ можетъ страдать значительной долей неопредѣленности: въ чемъ одинъ историкъ усматривалъ улучшеніе, въ томъ другой можетъ видѣть одно ухудшеніе“. Въ этихъ недостаткахъ теоріи прогресса, какъ улучшенія, профессоръ Сергѣевичъ видитъ основаніе для появленія новаго понятія, заимствованнаго отъ понятія развитія органической природы (т. е. вышеприведенное понятіе о прогрессѣ, какъ объ эволюціи и дифференцированіи). Къ сожалѣнію, самъ профессоръ Сергѣевичъ не высказывается рѣшительно въ пользу какой-либо опредѣленной формулы прогресса. Онъ только замѣчаетъ, что „современныя воззрѣнія науки на прогрессъ представляются далеко не завершенными“. Во всякомъ случаѣ профессоръ Сергѣевичъ не принимаетъ понятія прогресса, какъ улучшенія, по вышеизложеннымъ основаніямъ. Недоволенъ онъ также и формулой прогресса, какъ эволюціи и дифференцированія. „Возможность дробле-

ніа, замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ на страницѣ 70, по самой природѣ жизненныхъ отношеній, не безконечна. Обособленія имѣють свою границу, а именно въ природѣ явленій общественной жизни, изъ которыхъ одни допускають бѣльшую дробимость, другія меньшую... Въ исторіи встрѣчаемся съ такими обособленіями, которыя въ послѣдствіи уничтожаются, и явленія расчлененныя снова сливаются вмѣстѣ. Примѣръ этому даетъ учрежденіе рабства, крѣпостнаго права и вся сословная организація. По нашему мнѣнію, опредѣленіе и яснѣе высказывается по данному вопросу профессоръ Карѣевъ. Онъ также вѣрно, какъ и проф. Сергѣевичъ, критикуетъ и характеризуетъ сущность новаго воззрѣнія, но онъ не останавливается только на указаніи однѣхъ слабыхъ сторонъ двухъ различныхъ теорій. Напротивъ, проф. Карѣевъ пытается примирить ихъ между собою и даетъ формулу, которая единственно и по нашему мнѣнію можетъ вывести насъ изъ затрудненій при современномъ научномъ состояніи этого вопроса. Одни обращаютъ вниманіе только на то,—читаемъ мы въ статьѣ проф. Карѣева,—въ чемъ заключается отличительный характеръ этого движенія (т. е. прогресса, какъ эволюціи), безотносительно къ понятіямъ добра и зла. Въ этомъ отношеніи идея прогресса отождествляется съ понятіемъ о разнитіи, какъ о переходѣ отъ болѣе простаго къ болѣе сложному, безотносительно къ вопросу, заключается ли въ этомъ усложненіи улучшеніе или ухудшеніе вещей. Такое опредѣленіе развитія возникло на почвѣ естествознанія, именно въ сферѣ наукъ біологическихъ, изучающихъ всевозможныя проявленія жизни,—и по скольку человѣческое общество, какъ живой организмъ, подчиняется законамъ, управляющимъ жизнью какихъ бы то ни было организмовъ вообще, мы имѣемъ полное право примѣнять эту формулу и въ исторіи человѣчества, ибо и здѣсь мы видимъ вездѣ переходъ отъ болѣе простаго къ болѣе сложному.

Возьмите хотя само человѣческое общество, прослѣдите его исторію, и вы увидите, что развитіе его состояло въ переходѣ отъ простыхъ формъ, къ сложнымъ, отъ первобытнаго племени, въ которомъ почти совершенно отсутствуетъ раздѣленіе труда, къ современнымъ расчлененнымъ на общественныя группы и классы государствамъ.— *Но въ дѣлахъ человѣческихъ есть еще другая тѣрка, и всякая перемѣна тутъ является не только фактомъ объективнаго изслѣдованія, но и предметомъ субъективной оцѣнки: сравнивая два состоянія одной и той же вещи, прежнее и новое, мы непремѣнно ставимъ вопросъ объ ихъ относительномъ достоинствѣ. И въ исторіи, именно съ идеей прогресса соединено понятіе о движеніи въ извѣстномъ направленіи, о перемѣнѣ*

худшаю на лучшее“. Почему это такъ, а не иначе? Потому (какъ замѣчено это нами въ печатной статьѣ Юридическаго Вѣстника), что сторонники исключительнаго понятія прогресса, какъ эволюціи, „упускають изъ виду самобытную природу человѣческихъ учреждений и отношеній“ (стр. 610—611).

Исторія прогресса, говоритъ далѣе Карѣвъ, имѣетъ въ концѣ концовъ своимъ объектомъ человѣка, но не какъ зоологическое существо,—это дѣло антропологии, а какъ *hominem sapientem*, употребляя терминъ Линнея, и *Zoon politicon*, выражаясь словами Аристотеля, ибо въ его разумности и общественности заключается его человѣчность. Къ такому предмету изученія объективное опредѣленіе развитія можетъ имѣть только второстепенное примѣненіе. *Суть дѣла здѣсь не въ развитіи, какъ въ усложненіи, а въ прогрессѣ, какъ въ улучшеніи людской природы, состоящемъ въ успѣхахъ того, что я называлъ человѣчностью...* Разъ дано общество, съ нимъ дается психическое взаимодействие его членовъ, послѣдствія коего суть: обмѣнъ мыслей, создающій *прогрессъ умственный*,—симпатія, въ которой основа *прогресса нравственнаго*,—зачатки коопераціи, ведущей къ *прогрессу социальному*“.

Теперь будетъ яснѣе, почему мы, опираясь на новыя работы въ русской литературѣ, имѣемъ право съ большею увѣренностью подтвердить прежнія наши воззрѣнія на сущность общественнаго прогресса.

- 1) Дѣйствительно (см. статью Юрид. Вѣстника 1879 года стр. 613) дифференцированіе въ формахъ и видахъ политическихъ и юридическихъ учреждений лишь тогда можетъ служить признакомъ полнаго прогресса, когда учрежденія эти соответствуютъ природѣ человѣка.
- 2) Съ полнымъ понятіемъ социальнаго прогресса соединяется, кромѣ одного разнообразія и усложненности дифференцированныхъ формъ общественнаго организма, принципиальное и культурное достоинство тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ отдѣльныхъ и дифференцированныхъ формъ общежитія.
- 3) *Не въ томъ только заключается законъ социальнаго прогресса, что усложняются тѣ формы, въ которыя облечена жизнь человѣка въ обществѣ, но истинный прогрессъ достигается только тогда, когда многочисленныя и разнообразно-дифференцированныя формы права, общежитія и другихъ социальныхъ явленій осуществляютъ и поддерживаютъ начала равенства, свободы и благосостоянія для постоянно и безконечно развивающейся человѣческой личности.*
- 4) Безъ идей или принциповъ справедливости и благосостоянія нѣтъ полнаго прогресса и цивилизаціи.

- 5) Явленія регресса (упадка націй, попятнаго движенія) въ культурномъ развитіи различныхъ народовъ устраняють возможность смо-

трѣть на прогрессъ, какъ на законъ, безусловно и повсемѣстно нашедшій или находящій себѣ примѣненіе. Но исторія учреждений и законодательствъ, какъ и всѣхъ другихъ сторонъ людской цивилизаціи, ясно указываетъ на тенденцію весьма многихъ центровъ общественной жизни къ прогрессу (какъ соединенію усложненія съ усовершеніемъ согласно разумной, свободной и общежительной природѣ чловѣка.

6) Невѣрно ученіе, что *прогрессъ универсаленъ* по своему распространенію и всегда безконеченъ по своему внутреннему содержанію для всѣхъ безусловно народовъ ¹⁾ Но совершенно вѣрно воззрѣніе, что прогрессъ, обусловленный и ограниченный вліяніемъ среды, мѣста, расы и національнаго генія людей, *возможенъ* для каждаго народа. Мы вполне раздѣляемъ и считаемъ важною слѣдующую мысль профессора Карѣва: „Существуетъ несомнѣнная способность или тенденція общественной жизни усовершенствовать внутреннія свойства чловѣка, все болѣе и болѣе закрѣпляя за нимъ, путемъ наслѣдственности, высшую духовную организацію, и улучшать его культуру путемъ переработки передаваемыхъ однимъ поколѣніемъ другому міросозерцаній, нравственныхъ доктринъ и соціальныхъ формъ“. Прогрессъ въ области всеобщей исторіи права есть осуществленіе этой тенденціи въ дѣйствительности ²⁾.

¹⁾ См. выше ученіе о такъ называемомъ *progrès indéfini*.

²⁾ Для изученія воззрѣнія позитивистовъ на прогрессъ см. Littré, *La science au point de vue philosophique*. Aug. Comte, *Philosophie positive*;—Buckle, „*History of civilisation in England*“;—Bagehot, „*Les lois scientifiques du développement des nations dans leurs rapports avec les principes de la sélection et de l'hérédité*“;—Herbert Spencer, *Principles of sociology*;—H. S. Maine, „*Ancient Law*“;—Flint, L. C. etc.